

Иллюзия реальности

Воронин А. А.,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН,
89031019500@yandex.ru

Аннотация: В статье дан обзор проблематики соотношения иллюзий и реальности на материале литературных текстов автора.

Ключевые слова: реальность, иллюзия, сознание, мораль, ответственность, конец света, порядочность.

Введение

Слушая радио, глядя на экран телевизора, наблюдая манеры поведения некоторых соотечественников, вообще, сталкиваясь с элементами повседневности, часто спрашиваешь себя, не сон ли это, наяву ли происходят вещи, в которые трудно поверить, которые нельзя объяснить и принять, которые за пределами здравого смысла и приличий. Не говоря уже о законах. И вновь и вновь спрашиваешь себя, как это стало возможным, уж не иллюзия ли все это.

Литература, да и все вообще искусство — тоже иллюзия реальности: из букв на бумаге, из мазков на холсте, из камня и металла создаются образы, живущие во многих поколениях людей как соседи, как любимые или ненавидимые персонажи, как часть внутреннего мира людей, часто куда более значительные, чем реальные, близкие, окружающие нас люди. Так что удвоение жизни в духовном творчестве — дело обычное. Жить в мире музыки, в мире литературы, в мире поэзии — это значит жить в мире в этом смысле иллюзорном, выдуманном, да еще и выдуманном настолько привлекательно, что иллюзорность мира искусства дороже нам грубой реальности жизни.

Грани между реальной и виртуальной жизнью здесь хоть и очевидные, но не жесткие: человек выбирает способы поведения, ориентируясь на любимого героя (сказки, романа, картины, песни...), а не на обстоятельства непосредственной жизни. Влюбляется, идет на войну, заводит семью, работает и отдыхает... — так, как это «предписывают» ему Ромео, Джульетта, Илья Муромец, Пьер Безухов, Жеглов с Шарповым и т. д. Главное, что образец подражания всегда явлен, всегда четко определен, всегда в поле морального и вообще нормативного сознания.

Но есть иллюзорность другого рода. Это иллюзорность мифа, в котором человек живет, это мифопоэтическое сознание наших исторических предков, и это насквозь пронизанное мифами массовое сознание наших сегодняшних дней. Рациональное мышление потеснило мифологическое сознание, но вовсе не упразднило его, а перестроило конфигурации их отношений. Появились такие процедуры допуска фигур мифологического

сознания в «легальные», бесспорно принятые кодексы мышления и поведения, как обоснования, доказательства всякого рода, ссылки на авторитеты и массовое распространение, мода и корпоративные стандарты. Много чего появилось, благодаря чему человек, считая себя существом разумным и даже рациональным, ориентируется в реальной жизни на дорогие сердцу выдумки — свои, но в большей части — чужие. Исчезает явленность образца подражания или он становится безликим, принятым «по умолчанию». Человек поступает определенным образом так-то и так-то, полагая, что ему принадлежит главная роль в жизненных коллизиях. Но в его голову незаметно для него уже кто-то вставил алгоритмы поведения, которые и крутят им, как хвост собакой. Иными словами, иллюзорность его бытия не осознается и не воспринимается как проблема самоопределения, как проблема внутренней жизни. Там другие императивы, связанные с социализацией в конкретную общественную среду, с поисками преуспевания, признания, эмоционального комфорта и телесными потребностями. Об этом уже много написано, особенно ярко эта ситуация зафиксирована как смерть субъекта во французской литературе.

Но такая фиксация — как ее воспринимать? — конечный пункт размышлений о злокозненном социуме, пожирающем индивидуальность? Или это начало «раскопок», попытка проблематизировать ситуацию, попытаться хотя бы описать, — если не приблизиться к пониманию, — место и функции иллюзий в нашем ежедневном сражении с непокорностью бытия?

Истоки

Понимая пикантность ситуации, осознавая, что в литературе отсутствует жанр авторской рефлексии по поводу своих сочинений (хотя вот художники пишут автопортреты, и ничего), рискну обратиться к своему литературному творчеству, чтобы проследить развитие и расширение проблематики иллюзорного сознания. Мотивы такого рискованного решения я предоставляю разгадывать читателям. А предметом данного изложения считаю не свои работы, а проблему, которую мне удобнее проиллюстрировать своими работами. Так вот, мне сдается, что хоть творчество этого писателя разнообразно, в нем трудно выделить какую-то одну сквозную тематическую линию, но вот как раз проблематика иллюзорного бытия, подлинности — неподлинности человеческого существования, присутствует во многих его (моих, в данном случае эти такие разные местоимения обозначают одно и то же) произведениях.

Один из ранних рассказов «Модели» [4] построен как постепенно разрешаемая сюжетная загадка. Нарочито традиционная экспозиция — команда на космическом корабле отправляется выполнять важное поручение Земли. Астронавты — люди разные по характерам, темпераментам, мотивациям — вовлекаются в водоворот событий, завершающихся трагическим исходом — почти все они, кроме одного, гибнут. И в самом конце повести оказывается, что сами космонавты, их приключения, та реальность, в которой разыгрываются их судьбы, — всего лишь компьютерная имитация, эксперимент над поведенческими «паттернами» в критической ситуации. Это всего лишь модельный эксперимент — отсюда и название «Модели» — над возможными вариантами поведения людей с различными ценностно-моральными установками. Т. е. эксперимент над ситуацией морального конфликта, который проводит на компьютерных моделях некий «методолог». Он

считает себя вправе — и не видит никаких соображений против — подвергать моральные и экзистенциальные императивы своих «моделей» критическим испытаниям, связанным с деструкцией самого экспериментального «материала». Рассуждает он примерно так: «Никто из реальных, живых людей не пострадал. Это факт. Наука получила искомый результат. Это факт второй. Этот результат может быть повторен на другом материале и в другой лаборатории — значит, гипотеза верифицируема. Это три. Ну, и наконец, эксперимент всегда связан с риском, а риск — с потерями. Но в данном случае — потерями сугубо виртуальными». Вроде все звучит убедительно, такие рассуждения вполне обычны и для ученого экспериментатора, и для представителя любой другой профессии, связанной с неоднозначными столкновениями на моральной почве. Но! Еще более убедительно выглядит аргументация, которую выдвигает последняя оставшаяся в игре «модель», которая, собственно, особо интересовала исследователя. Есть вещи, которыми нельзя «баловаться», т. е. нарушать их целостность и структурную гомогенность ради фаустовского познавательного зуда «а что будет, если я выпущу гомункула из банки?». Несмотря на то что мораль, нравственность, идеалы и ценности, которыми живет человек, идеальны по своей сути, они ни к кому не привинчены наглухо, — в них встроены очень хрупкие механизмы, поддерживающие их интеллигибельную сопряженность и действенность. Вот в них эксперимент, пусть знает о котором хоть один человек на свете — сам экспериментатор, может поломать внутренние устройства, обесценить ценное, принизить высокое, простить то, что прощать нельзя. Если убрать — хотя бы ради интереса — ригоризм и всеобщую формальность моральной нормы, она просто перестанет действовать, а значит — существовать. И оказывается, что этот экспериментатор стал жертвой своего эксперимента, что в себе он разрушил тонкие материи нравственного сознания, но признаться себе он в этом не может. Основная моя мысль — сомнительно по этическим соображениям экспериментировать с моральными нормами, вообще, с душевным миром человека, — потому что это ведет к его разрушению. Но вот тут же возникает вопрос: а хорошо это или плохо, и с какой точки зрения? Ведь разрушая, или деконструируя, мы видим, как оно устроено. Нам могут открыться глубокие основания эмпирического! И разве искусство вообще не является «репетицией рационального образа жизни», как утверждал Дж. Сантаяна? Мы же понимаем, что и моральные догмы, и моральные нормы меняются со временем! Может, на моделях все-таки безопаснее «прокатать в виртуальном пространстве возможные конфликты, посмотреть, какие выходы обнаружатся»? И дальше: внутренний мир человека — это его личное, уникальное содержание сознания, и тогда он находится под «юрисдикцией и охраной» личности, или оно все же наполнено всеобщими смыслами, и складываются они в неповторимую картинку только благодаря изгибам биографии и обстоятельств? И вообще: иллюзорно ли идеальное? Таким образом, проблема не имеет готового решения, читателю предлагается поразмыслить над ней на образном материале, волей-неволей становясь-таки участником амбивалентного эксперимента. И тем самым выходя из области компьютерного моделирования в область реальных моральных коллизий.

Вот о них, собственно, написан роман «Претендент» [8] — с детективной фабулой, с «лихо закрученной интригой», как выразился один рецензент (Н. Коляда, личная переписка). За этот роман я получил премию журнала «Юность» им. В. Катаева за 2005 г. Но детективная фабула — лишь фон, на котором разворачивается главный замысел — как

иллюзорная ситуация становится частью политехнологии, частью интриги ради завоевания власти. В далеком сибирском городке, некогда центре академических исследований, засекреченных настолько, что даже автор не смог получить никаких точных сведений о том, что же там изучалось, живет герой романа, Петр Алексеевич, кандидат наук, симпатичный и типичный интеллигент лет сорока — пятидесяти. Городок утратил статус важного наукограда, поскольку наука перестала интересовать власти, да и денег на нее уже нет. Городок стал потихоньку опускаться, заблачиваться бытовыми проблемами, нищетой и бездельем. И вот вдруг, как и полагается в остросюжетном повествовании, происходит нечто невероятное! Позволю себе цитату, если автор не возражает: Петр Алексеевич «оказывается, наследник русского престола. Его отец, царевич Алексей, был спасен благодаря хитрости — его подменили двойником по дороге в Екатеринбург. Почти совсем один, с рук на руки верных людей, то в простом платье, то сыном сибирского купца, добирался мальчик, да, теперь просто мальчик, один из тысяч похожих на него подростков, без родителей и дома, без представления о том, на каком свете живут, с одной спасительной заботой поехать, через Монголию в Харбин, оттуда в Шанхай, оттуда на Аляску, там проучился четыре года в русской школе-интернате для сирот и беженцев. Потом Америка, с Запада на Восток, поденные работы, пшеничные, чесночные и коровьи штаты, потом колледж, потом университет. Алекс Мэроноу получил приличное образование, американское гражданство, вполне сносную работу. От всех таился, никогда никому не рассказывал о себе, это его и спасло. Сначала с негодованием, потом с презрением, а уж совсем потом — с иронией относился к возне вокруг русского престола, затеянной многочисленными друзьями дома и дальними родственниками. Ему было ясно, что рано или поздно придется открыться, но что ждало его на этом пути — было непонятно и жутковато. Потом его потянуло в Европу, поближе к русскому духу, и когда подвернулась оказия, он принял место преподавателя частного колледжа под Парижем. В Париже наследник и прожил самые счастливые годы — такие яркие, свежие и свободные, и такие скорые. Когда родители познакомились - и почти сразу же поженились, — по Европе прокатилась волна убийств противников советского режима. Становилось тревожно, Европа оказалась тесной и опасной, ее веселенькие цветочные фасады прятали что-то очень нехорошее. Родители поклялись не разглашать тайны наследника, ведь скоро на белый свет должен был появиться он, Петр Алексеевич. Романов. Гражданский псевдоним — Маронов. Царство — за дитя. Когда Петеньке исполнилось три года, Алекс Мэроноу пригласил на именины видного швейцарского нотариуса, академика медицины из Парижского университета, и нескольких самых близких родственников. Целую неделю консилиум совещался за закрытыми дверями, и оставил грамоту, подтверждающую законные права Петра на престол. Но в целях безопасности решили, что запал от этой бомбы будет в руках самого наследника, да и то в свое время. Академик взял на анализ кровь у родителей, подробнейшим образом описал анатомические особенности цесаревича (кстати, никакой врожденной патологии у мальчика не было обнаружено) и составил приложение к грамоте, скрепив его академической печатью... Были разработаны и инструкции доверенным лицам, в каком случае и при каких обстоятельствах открыть Петру Алексеевичу, Петеньке, его происхождение. И предоставить ему самому выбор жизненного пути...» Петенька — это и есть Петр Алексеевич. И тому есть и все прибывают веские доказательства! И начинается свистопляска головокружительных событий, которые приводят нашего героя сначала в столицу, потом в Париж, потом

в остальные красивые заграницы, а под конец — в тюремную камеру. Все эти аттракционы понадобились одному перспективному политику в борьбе за власть. Он инспирировал сперва легенду о наследнике, затем назначил наследником подходящую персону — а это как раз наш Петр Алексеевич, чтобы вторым ходом, разоблачив «самозванца», на волне своего геройства въехать в президентский дворец. При этом иллюзия достоверности этого чудовищного заговора была неотразима, все было рассчитано и исполнено с филигранным мастерством. Где надо, возникали артисты, где надо — пускались в ход СМИ, где надо — просто использовались доверчивость и простодушие публики. И интрига удалась, все «стрельнуло», и когда исполнители этой пьесы стали не нужны... Они стали не нужны. Вот таким образом иллюзия реальности, став на какое-то время самой реальностью, внесла нужные ловкому политикану «поправки» в жизнь, сыграв роль джокера в политической игре. Здесь одним из ведущих мотивов была циничная, хорошо рассчитанная ставка на практическую неразличимость вымысла и реальности. Тоже своего рода эксперимент, даже два эксперимента: один — внутри романа, заключенный в рамки фабулы, где экспериментатором стал претендент на пост президента, и другой — за рамками фабулы, сам текст романа — некий эксперимент, который проводит писатель с читательским восприятием, а стало быть — с его самосознанием.

Как видим, со временем запрет на экспериментирование перестал быть слишком строгим.

Масштабы, герои и антигерои

Трагическая развязка предыдущего сочинения показалась автору, видимо, слишком локальной по масштабу. В следующей своей вещи, где роль иллюзорной реальности оказалась гораздо важнее, автор погубил не одного лишь героя, или косвенным образом — страну, в которой разворачивалось действие и которая не должна бы пережить благополучно такие шалости алчных политиканов. Нет, тут масштаб бедствия — цивилизация в целом, которая платит непомерную цену за неразборчивость — что есть правда, что есть ложь, что есть реальность, что есть хитрая выдумка. «Меморандум. Водевиль о конце света» [3] — о том, как вымышленная, совершенно абсурдная и просто жульническая выдумка начинает управлять событиями, логично доводя дело до планетарной катастрофы.

Цитата:

«Доклад Международной организации изучения открытого Космоса
«Меморандум»

• Ученые доказали, что межпланетные коммуникации имели место около 15 тысяч веков назад, что высокоразвитая инопланетная цивилизация приобрела — точнее говоря, выбрала — на Земле форму жизни, аналогичную земной.

• А еще точнее говоря, инопланетная жизнь поселилась прямо в теле гуманоида — поэтому он потом и стал человеком — в виде генов, способствующих развитию интеллекта, чувств и страстей, восприятий и памяти — короче, всего того, чего не было в наших естественных предках, но что было необходимо инопланетной цивилизации для подготовки последующей высадки на Землю и расселения по нашей планете.

• Свои планеты они уже почти все извели.

- Около двух — трех тысяч лет назад произошла мутация, и генная инопланетная цивилизация, мирно развивавшаяся в организмах людей, распалась на враждующие кланы.
- Одни гены стали «специализироваться» на развитии телесных способностей человека, а другие — ментальных, умственных и духовных.
- Из первых организовались силы, которые потом стали называть адскими, дьявольскими, сатанинскими.
- Из вторых — божественные, светлые, райские и идеальные.
- Борьба двух начал в человеке вылилась в религиозные движения, войны, оформилась в церкви, вероисповедания и конфессии. Поскольку материя определяет сознание, в зависимости от географического положения стран, пищи, воды и воздуха религии стали отличаться друг от друга — ислам от иудаизма, христианство от индуизма и т. п.
- На самом деле церковь — это силы добра. Христос, Авраам, Будда и Магомет были инспекторами внеземной цивилизации.
- А силы зла — это все, что не есть церковь.
- В средние века это хорошо понимали теологи — Августин, Фома Аквинский и инквизиция. Долгое время они сдерживали натиск генов тела. Но потом их предали римские папы из-за денег. Крестовые походы принесли только временные плоды.
- Сегодня опасность возросла в сто крат.
- Необходимо дать отпор силам ада. Все религии должны сплотиться против сатанинских сил. Ислам, например, оказался в руках дьявола. Протестантизм вообще сбился с пути. Экуменическое движение должно спасти мир, побеждая плотскую жизнь.
- Сегодня в мире уже действуют отряды спасения, но они разобщены. Их нужно объединить. Формируются отряды Воинства Небесного.
- Уже создан Кодекс веры в спасение. Он хранится в надежном месте и открывается только посвященным. Космос дал нам силу, чтобы победить. Мы все должны стать искупительной жертвой перед святым ликом Космоса. Мы должны пожертвовать нашими телами ради наших душ. Это и будет вторым пришествием Мессии» [3, с. 37–38].

Спасенья нет, хотя никто специально не толкает человечество к краху — все само собой ползет медленно, но верно. Т. е., иными словами, иллюзорная реальность становится самой что ни на есть подлинной реальностью, и различить их нет никакой возможности. Механизм вот этого самого «становится» — вот что интересно. Как это «становится», за счет чего, какими силами? В «Меморандуме» показан один из таких механизмов — агрессивное невежество, заправляющее событиями, решающее на всех этажах социальной иерархии, «что правильно» и «что делать». Выдумка заменяет собой реальность, вертит ей как хочет, к ней прилипают люди и обстоятельства, ком обрастает инерцией и массой — и в конце концов давит все живое, влечет в пропасть все, что не смогло противостоять ей еще тогда, когда это было возможно. «Вот так незаметно, шагом, веселясь и ссорясь, работая и отдыхая, рожая и убивая, под веселенькую музыку шло человечество навстречу своей судьбе. Вузы готовили студентов — горных инженеров, хирургов, учителей, государственных служащих, кудесников бытового обслуживания, длиннющие поезда тянули вагоны с нефтью за границу, девушки на пляжах загорали без лифчиков, омбудсмены храбро сражались за права человека — с людьми же и сражались, кстати. Но потихоньку, исподволь, в нестройной

музыке буден стал слышаться новый мотивчик, почти еще без ритма, без аранжировки и оркестровки, так, намек, а не мелодия. Разобрать его почти невозможно, да и на ноты переложить тоже не возьмусь. Некоторые черты, приметные черты времени, могу отметить. У публики возник и жарко разгорается интерес ко всему духовному. Самое модное пиво называется «Духовное Выдержанное», плотность начального сула 13%, объемный процент алкоголя 5 градусов. Говорят, что его выпускает не кто-нибудь, а сам... Ну, неважно кто. Пиво-то хорошее. В книжных магазинах — ну пока не во всех, конечно, — открываются уголки духовности, где подают разливное «Духовное». 30 рэ пол-литра. Нормально. Самые модные кинофильмы обязательно теперь с мистическим уклоном, про вампиров, подземное царство, страшный суд и живую планету, которая летит на нас войной. Процветают ритуальные услуги фирм «Спасемся вместе», «Соборный ковчег» и «Карма Астрала». Тренинги, брейнсторминги, групповые и индивидуальные психоделические практикы по Танатологической проблематике стали моднее футбола и праздничных концертов с участием фабрики звезд. Можно доступно заморозиться на сто лет с гарантией сохранения своего возраста при пробуждении, при условии индексации инфляции, разумеется. Практически во всех туристических фирмах продаются путевки на Эверест, в Непал и на Огненную землю. Депутаты всех фракций спекулируют индульгенциями акционерного общества «Аристократы духа», учрежденного Филиппом Коровьевым и Борисом Моисеевым. Сайт Академии духовности каждый день приносит сенсационные новости о новых открытиях ученых, астрологических прогнозах, о таинственных метаморфозах плащаницы и мощей святых, которые внезапно зашевелились, а некоторые даже стали кровоточить» [3, с. 52]. Автоматизм истории — вовсе не выдумка философии истории, а закон — если, конечно, люди не в силах противопоставить ему свою разумную альтернативу. Но, увы нам, этого не случилось, и вот это, похоже, хоть и не закон истории, но ее самая обычная рутина. Сработал механизм запуска самоубийства цивилизации. «Наука получила тайные директивы разработать надежное оружие, уничтожающее телесность человека и сохраняющее неприкосновенной его божественную субстанцию — душу. Были привлечены средства спонсоров, выделены гранты от добывающих отраслей. Сопrotивляющиеся ученые были посажены на обычную научную зарплату (разумеется, с правом переписки). Была учреждена новая академия — Академия духовности. Там заседали только живые души, но ни одного живого плотского человека, — это прообраз будущей духовной жизни во Вселенной. (Достигался такой эффект полным затемнением в зале заседаний.) Собственно, почти все средства ушли на ее функционирование. Ученые разработки в Академии духовности вышли на новый, ранее неведанный тип менеджмента. Процесс создания оружия нового типа, созидательного оружия светлого гуманистического завтра, раз начавшись, уже не может был прекращен, нет, никакими силами... Развитие теперь само собой управляет, а точнее говоря, какое к черту управление — все ускоряясь, движется по своей собственной имманентной логике к своему завершению. То есть к концу, в буквальном смысле слова, то есть к автоматическому совершенствованию, изготовлению и применению противотелесного оружия. Венцом творения стала Идея благополучного завершения земной истории» [3, с. 53].

Оговорюсь, что мне трудно согласиться с некоторыми комментаторами, будто в «Меморандуме» проводится скрытая аналогия с «Манифестом...». Хотя... и там, и здесь мы видим некий пророческий текст, который находит своих адептов, а затем и агентов

(таких, как Мать Хранительница святой Плевры, глава Ордена ведунов Андрей Иваныч, Лева Задов—третий и др.), потом идея овладевает массами... массы овладевают идеями... идеи и массы уничтожают друг друга... Нет, все же аналогия кажется мне натянутой. И уж совершенно неуместными представляются мне неуклюжие попытки представить текст злопыхательским сарказмом на современную действительность.

Решение проблем на макроуровне не избавляет нас с вами от коллизий, происходящих на микроуровне, вписанных в непосредственное бытовое общение. Нет ли здесь места для иллюзий, или — скажем так — для иллюзий, что у нас нет иллюзий и что мы руководствуемся исключительно здравым смыслом? Вот об этом следующий текст.

«Шашлычки» [14] — рассказ, в котором вполне заурядное происшествие, ссора в случайном коллективе, кончившаяся несчастным случаем, привело участников событий к очень горьким выводам. На турбазе отдыхали москвичи, от 30 до 40 лет, зрелые, состоявшиеся люди. Рациональные и интеллигентные. Они провели отпуск в чудесных местах, с рыбалкой, купаниями, походами в лес, легким флиртом... И вдруг к отдыхающим присоединился молодой мужчина, кавказец, с несколько иными представлениями о манерах. Его активная сексуальная позиция привела к конфликтам, и дело дошло до слез нескольких дам и девушек и резких перебранок с мужчинами. Накануне отъезда после очередного «ухаживания» за молоденькой девушкой мужчины собрались выгнать нахала из лагеря, но он куда-то пропал. И уже после возвращения в город выяснилось, что он утонул в озере сразу после ссоры с рыбаками. В судебном заседании было установлено, что он сам поскользнулся и съехал в воду по скользкому бережку. Все успокоились, что не было предъявлено обвинения никому из участников конфликта. Т. е. все хорошо, и все всех устраивает. Одно «но». Судья, зачитав решение суда об отсутствии состава, о признании гибели человека несчастным случаем, вдруг лукаво подмигнул собравшимся в зале свидетелям. Мол, вот им! Своих не сдадим! И тут все поняли, что они сами как шашлык нанизаны на шампур неявного шовинизма, не отдавая себе в этом отчета. И вся их рациональность и интеллигентность в один миг — одним подмигиванием — поставлена под вопрос. Просто судья не скрывал то, что было у всех в подсознании. Так что же тогда — их рациональность, их демократизм и толерантность?

«Утопия» [12] — трагическая история, в которой будничные контекст драпирует ужасный смысл происходящего: коллективная эвтаназия доведенных до полного отчаяния людей используется властями в своих корыстных целях. Здесь конфликт реальности и иллюзорности разыгран по формуле «банальность зла» Х. Арндт. Рассказ ведется от имени клерка, фрахтующего суда для путешествий по программе «Утопия». Это путешествие в один конец, и «туристы» — самоубийцы, которым предоставляется возможность красиво уйти из жизни. Шампанское, танцы, оркестр. В основном это пожилые люди, у которых нет интереса к жизни, или неизлечимо больные. Но вот в последних нескольких рейсах стало полно вполне еще себе здоровых и не старых. «Чего им не живется?» — размышляет клерк. Хотя какая разница, это их проблемы, а у него это его бизнес. И суда, которые фрахтует наш клерк, тоже тонут. Обычно такое судно сопровождает небольшой кораблик, на котором возвращаются команда и обслуга. Но вот в один прекрасный день команда отказывается от сопровождения. Фрахт оказывается дешевле, но

клерк никак не может понять, с чего это вдруг... Да ему, видимо, и не суждено понять, почему моряки и персонал решаются разделить судьбу «туристов», ведь он живет как «реальный пацан», без мерехлюндий.

Подлинная реальность, таким образом, вообще может не являться даже героям литературных произведений.

В попытках понять, как возникают картинки, которые в головах людей заменяют картину мира, или, иными словами, из чего состоит обыденное сознание человека, автор (я) в тексте «Диалог об идентичности»[1] вводит идеальный конструкт — «идентификационные матрицы», которые призваны описать некоторые механизмы самоорганизации и формирования сознания. Базовые «матрицы предписаны почти безусловно, предъявлены с молоком матери, — национальность, пол, язык, боги, сословие. Второстепенные — контекстуальные, привязанные к историческим и культурным реалиям моей жизни — возрастные, групповые, профессиональные, политические. Поскольку они проживают в надындивидуальных ментальных мирах, а проще говоря — в культуре, они кое-как подогнаны дружка к дружке, согласованы, по крайней мере настолько, чтобы не вызывать фрустраций и служить основой устойчивого взаимодействия людей, их солидарности». Принадлежит ли человеку выбор своего индивидуального набора матриц или это происходит вне его сознания? Однозначного ответа нет. «Одновременно работают сонмы этих самых матриц, и все они пытаются быть услышанными, по меньшей мере. Помимо согласованности, в них есть и диссонансы многих типов и видов. Матрица не приказ, а ожидание, человек не обязан в нее укладываться, она не схема, а живой культурный организм, в который вплетены и обязательства, и свобода» [1, с. 47]. Но, во всяком случае, между мной как личностью и миром как внешней средой обнаружены посредники, одновременно принадлежащие и миру, и мне. Насколько они соответствуют реальности и насколько они иллюзорны — это уже вопрос второй, скорее — эмпирический, и вряд ли он подлежит теоретическому разбору. Ясно, однако, что добрая их часть производится внутри идеологических институций, таких как школа, ТВ, пресса, церкви. И в пределе это идеологическое производство может нацело заполнить сознание человека [9], чему мы сегодня стали свидетелями, и даже отчасти потерпевшими.

Вот несколько выписок из интервью с руководителем «Лаборатории по воссозданию реальности»: «Ученые ставят задачу полностью включить сознание человека в искусственную реальность. В отличие от таких западных центров, как Голливуд, или концерн Шпрингера, эта реальность служит интересам всего народа... Можно достичь абсолютной социальной гармонии, полностью исключить недовольства, протесты, вообще негативизм — и политический, и социальный. Просто работать надо не с отдельными людьми, не с конкретными ситуациями, а с реальностью, в которую люди погружены. Вот так мы постепенно пришли к пониманию предмета своих исследований. ...В нашей лаборатории, в одном из подразделений, исследуется проблема достоверного создания исторических фактов. Ведь что такое исторический факт? Это, во-первых, документированное, во-вторых, признанное научным сообществом событие, и в-третьих, включенное в причинно-следственную цепь других последовательных событий. Понимаете, о которых у свидетелей остались ясные, достоверные воспоминания. Вот по этим шагам

и воспроизводится, а точнее говоря, производится историческая реальность... Русский народ — как младенец, он без заботливой, любящей руки опять забалуется, загуляет. Да может загулять и не туда, куда сам хотел. Все должно быть в руках — сильных, справедливых и заботливых. Вот поэтому народу нужна обоснованная, научная, единственно правильная дорога в жизни, и эту дорогу мы и прокладываем... Нам хорошо известно, что на Западе тоже есть специалисты и даже центры, которые прямо специально занимаются подрывной идеологической работой, — вот, например, в Америке проф. Онкл Сэм из Южного университета, в Англии — доктор Дж. Вокер из Северного колледжа, в Израиле — Х. Нагила, между прочим, эмигрантка из СССР. Так что беспечность может нам дорого стоить» [2, с. 3].

Вопрос об иллюзорности бытия имеет много оттенков. Но пройти мимо проблемы восприятия, т. е. субъективной стороны дела, было бы неправильно. Предположим, что сознание людей формируется на 100 процентов, и они не в силах выйти за рамки, предустановленные — то ли создателем, то ли внутренним устройством сознания, то ли способом осознания человеком себя элементом общего. Каков будет результат, если все люди добровольно и обоснованно будут придерживаться единого взгляда на историю, на себя, на цели своих жизней и вообще будущего? И есть ли вообще смысл задавать такой вопрос, если мы изначально видим картину культурного плюрализма и не считаем его ущербным? Для ответа на этот вопрос мне пришлось прибегнуть к особому литературному приему: перенести действие на другую планету, очень похожую на нашу, но с одним отличием — там установилась единая картина мира на все времена. На заре человечества — а на далекой планете жили такие же люди, как и мы, — установилась общая цель всех жителей построить Мост, связывающий два материка и живущих по обе стороны бездны людей. Эта идея была выдвинута богами, поддержана старейшинами и превратилась в общечеловеческую сверхидею. Мост [5] стал сакральным символом единства, в разные периоды жизни приобретал все новые и новые обоснования, ему были подчинены все средства, ресурсы и технологии. По непонятным причинам раз приблизительно в сто лет грандиозная постройка рушилась. Приходилось начинать все с начала. Технологии и материалы совершенствовались, учеными изобретены искусственные люди. Были мобилизованы лучшие специалисты, развивалась фундаментальная наука, дети воспитывались в духе строительства Моста. А он все рушился и рушился, как будто над ним тяготел злой рок. Тайные записи, найденные нашими, земными учеными возле места падения метеорита, раскрыли однако тайну этих разрушений: это было делом жрецов, на которых лежала обязанность сохранения идеи Моста как залога жизни и организации общества. И долгое время им удавалось сохранить идею в чистоте, уберечь население планеты от тупикового завершения стройки. Но беда пришла с неожиданной стороны: идея Моста сама по себе взяла и выродилась, стала служебным и никому не нужным довеском к простому будничному бытию людей, утратив всякий ореол святости, жертвенности, ригоризма и даже простой привлекательности. Ярко это высветилось в педагогике: ни учителя, ни дети не верили в то, что Мост остается символом и смыслом жизни. Святая идея стала фальшивой, она не могла более вдохновлять людей на подвиг, на жертвы, на жизнь. Так крах иллюзии повлек за собой крах всей цивилизации. Еще хорошо, что не нашей, земной. (В скобках замечу, что мы столкнулись уже со вторым по счету крахом цивилизации, и это еще не вечер.)

У пытливого читателя не может не возникнуть вопрос: а откуда, интересно, берутся всевозможные «содержания сознания» и как они овладевают массами? Почему в сознании людей не происходит автоматической отбраковки иллюзорных, ложных идей и не торжествуют правильные, верно отражающие реалии жизни? Этот вопрос поставил перед собой и я, т. е. автор. И попытался на него ответить в рассказе «Пигмалионы» [7]. Там до логического конца прописана идея всеобщезначимого статуса духовного продукта. Писатель, который всю жизнь изображал людские пороки, не собирался их укоренять в плоти социальной жизни. Но это произошло само по себе, просто по логике примитивно устроенного самосознания. Раз написанное слово не только топором не вырубить. Его уже невозможно изгнать из восприятия человека толпы, который простодушно воспринимает написанное слово как реальность, как подлинное бытие. И все отвратительные персонажи, порожденные саркастическим пером писателя, вдруг обрели в мире свою онтологическую реальность, ожили. И, разумеется, почувствовав в писателе чужака, выследили его и уничтожили. И что это меня так тянет на трагические развязки? Сходить к психоаналитику? А вот и нет. Не моя это болезнь, не только моя. Оказывается, есть такие духовные эпидемии, от которых трудно избавиться даже писателям, не говоря уже о представителях других профессий.

Один из способов создания и внедрения иллюзий — естественно, идеология. Об этом написано очень много хороших, умных и пронизательных текстов. Я не берусь с ними конкурировать по части аналитики, исторического и фактологического анализа. Моя задача была и скромнее по претензиям, и локальнее по масштабу и методу. «Что такое советский человек» [13] — это зарисовка, но с претензией на понимание. Понимающая дескрипция — что скажут строгие эпистемологии, возможно ли сие? Зарисовка не эмпирическая, а теоретическая, но на уровне теории среднего ранга, как говорят социологи. Впечатления от идеологической доктрины, а не от некоей реальности, измеренной опросами или другим каким-то надежным научным методом. Предметом рефлексии здесь выступают уже не литературные миражи, а ментальная реальность — или, проще говоря, реальность сознания. Не открою секрета, здесь реальность напрямую сошлась с иллюзией, и имя их плоду — «советский человек», в кавычках — как литературный персонаж, и без кавычек — как живой социальный и личностный тип.

Октябрьская революция для изменения бытия выбрала единственно верное средство — изменение сознания, хоть это и противоречило букве и духу марксизма. Достигалось это разработкой и внедрением утопического массового сознания. Первое условие для его повсеместного распространения — выдернуть почву из-под ног практического бытового образа мысли. Покончить со здравым смыслом, с элементами рациональности, которые по необходимости были в него вписаны. С буржуазным, т. е. гражданским и сословным строем мышления. Кровавые репрессии начала 20-х гг. имели, помимо хорошо известных и подробно описанных, еще один корень — они были направлены против старорежимного сознания, против ценностей, идеалов и норм, в которых не было места коммунизму и его предвестникам.

А для начала строительства социализма характерно как раз внедрение и господство унифицированного утопического сознания, бродящего на коммунистических дрожжах.

И этому единственно правильному сознанию мир, жизнь, действительность покорялись безропотно, ему не было преград ни в море, ни на суше. Иллюзорное сознание, которое, казалось бы, должно плыть в параллельных мирах с бытием, колом входило в твердь социального тела. Щепки, правда, летели во все стороны. В играх с историей такого размаха и такого замаха щепок не просто не было жаль, нет. Эти щепки были жертвой священной борьбы, и чем они дороже обходились, тем немислимее было одуматься, остановиться, раскаяться. Инвестиции, как сегодня говорят.

Утопия лишает человека субъектности. И чувства того, что он — хозяин своей жизни, своих поступков, своего слова. И объективной позиции, а не просто чувства, — поскольку он не может иметь простых, адекватных средств общения с другими людьми. Люди общаются через посредство вымышленных, иллюзорных, виртуальных фантомов, и в этом общении сознание приобретает те самые превращенные формы, которые много лет интриговали марксистскую теорию сознания. В результате внешние, идеологические, политические, силовые и даже бытовые импульсы, направленные на человека, замыкаются на нем, не находя в коммуникации адекватных форм отражения и отторжения, ведь индивид — не производитель идеологии, а ее жертва. Он становится принципиально одиноким, социальным атомом, в буквальном смысле винтиком социальной мегамшины. Нам нужен уже не человек-винтик, а человек — патрон в обойме.

Бессубъектный человек сразу же становится объектом манипулирования, насилия, репрессии, эксплуатации. ГУЛАГ воспроизводил бессубъектность человека и в «хозяйственных» целях, и для выжигания из человека его достоинства, его самостоятельности и самости как таковой. В первую очередь — критического мышления. Иначе коммунизм было не построить — это было очень хорошо известно вождям страны.

Поэтому железный занавес — это условие правдивости, жизненности и силы утопии. Бояться надо не просто внешнюю власть, этого мало. Бояться надо своих собственных сомнений в правильности рецептуры, предложенной партией-правительством. Т. е. особой доблестью человек обладает тогда, когда он изжил все сомнения, когда он перестал мыслить критически-скептически.

Сознание перестало отражать бытие — в этом было первое опровержение марксизма в стране, скроенной по лекалам марксизма. Утопия превратилась из оправдания бытия в камуфляж бытия.

Не верить в псевдореальность было запрещено. Кричать за миг до выстрела в дуло винтовки «Да здравствует Сталин!» считалось правильным. Свято хранить верность палачам, уводящим мужчин в подвал, а женщин — в лагерное рабство, считалось доблестью. Делать карьеру, венцом которой была «стенка», считалось обязанностью.

Истина была записана «по ведомству» руководства, вооруженного научной теорией построения коммунизма. Критерий истины был написан в газете «Правда». Наука была неотличима от идеологии, просвещение — от пропаганды, воспитание — от «формирования». Сомнение было грехом. Вера стала требованием времени. Объединяющим людей началом стала ненависть к врагу. Чтобы далеко не ходить, врага нашли рядом — в соседней комнате. Бдительным органам надо было помочь его уничтожить — во имя и во благо светлого будущего. Одобрение и поддержка — неважно, чего именно, начальству виднее — стали моральным долгом. Сознание раздвоилось — личное, приватное сознание

помогало добыть кусок еды, согреть жилье, приспособиться к кровожадному режиму жизни. Над ним, не касаясь будней и паря в публичных сферах, клубился пласт «общественного сознания», слепого теоретиками и идеологами нового общества и заботливо вправленного в буйные головы соотечественников. Вот в нем и обретался «советский человек» как нормативный образец, которому предписано следовать. Он не имел национальных, половых, возрастных, классовых признаков, он был чистой и незамутненной идеологемой святости нового склада — сверхчеловека коммунистического завтра. И он обнаруживался не в повседневности, а в «общественной жизни» — в специально созданном пространстве социально-политического контроля над поведением и мыслями каждого подданного государства. Эта амбивалентность позволяла человеку, прилюдно рубящему лозунги о врагах и Родине, воровать, врать, подличать — и не испытывать душевного дискомфорта.

Мифы и легенды

В непростые отношения иллюзий и реальности вмешивается еще один персонаж. Определить его непросто — потому, что определение носит сугубо апофатический характер. Проще было бы прямо сказать: речь идет о человеческом разуме. Проще, но не правильнее, поскольку все дело как раз в том, что его как раз и нет, или точнее говоря, он, может быть, и есть, но спит. Сон разума и является причиной трагического финала повести «Сеть» [10]. Автор вводит довольно рискованный ракурс изображения. Это некая модификация геополитического мышления, но на место политической элиты, позволяющей себе играть странами как шахматами, здесь поставлен сам Создатель. Это необходимо для максимально отстраненной, объективной точки зрения, в которой так нуждаются философы истории, не желающие оставаться в плену эмоциональных и ценностных привязанностей. Своего рода эпохе, возвышающее читателя до божественного уровня наблюдения, сострадания и смирения. Автору, т. е. мне, пришлось предложить свой вариант творения — сотворения Земли, добра и зла, высокого и низкого, народов и народцев, — стараясь не слишком уклониться от классического текста, но все же приблизить его к совершенно очевидным тенденциям раскрутки бытия, какими бы печальными они ни были.

«В начале Бог сотворил начало.

И было в нем и все, и не было ничего — стихии не познали различия.

*И вода была огнем, а твердь была как воздух, и тьма была мглой,
и свет брезжил без теней.*

И создал Господь различия: господство создал.

И отличил себя от творенья своего.

И почил от дел, и предался созерцанию.

И дал мысли название мысль, и слову дал название слово.

Идею дал название дух, природе дал название жизнь.

И отказался от творения, ибо предвидел все,

*И соблазнен был гордыней, и создал Землю со всеми тварями на ней,
и тошно стало ему от замысла своего и от дела рук своих.*

*И увидел Бог, что это грех, и сказал: Да будет так.
Грехом рождается, грехом и пребудет.
Грехом и разрешится творение мое.
И отделил грех от блага, и создал искушение грехом,
искусителя и демонов, и уязвлен был в сути своей.
И явился ему искуситель, и соблазнил.
И встали они друг против друга, и ни один не смог одолеть.
И благословили оба и жизнь, и светила, и слова, и мысли, и все, что будет» [10, с. 2].*

Не собираясь пересказывать здесь содержание повести, отмечу, что описываемый здесь «конец света» (увы, это не прихоть автора, а железная логика событий) наступает по причине безусловной победы иллюзорных целей и ценностей сильного мира сего над разумом, стремлением к счастью и творчеством «простых людей». И Создателю, предвидевшему весь ход истории вплоть до его печального конца, остается только развести руками — над сном разума не властен даже спецбог Орфей. «Обозримая земная история кончается. Не нам судить историю, и не нам предсказывать будущее. Оно в руках Творца, это все его игры. Господь вернул себе утраченное ощущение, что теперь все в его власти.

*Увидел Господь, что это плохо.
И прибрал он человека — подобие свое.
Господь вобрал в себя всю полноту Бытия.
Воцарился Абсолют» [10, с. 29].*

Возможно, автор, т. е. я, недооценил роль народных масс в истории, возможно, не слишком отчетливо представляет себе взаимоотношение божественных сил и космических порядков, и стало быть, еще можно как-то спасти и человечество, и реабилитировать самого Создателя, дав ему возможность внести коррективы в те места, куда вкрались досадные ошибки... Я не знаю, силы моего воображения не хватает, чтобы пронизать все смысловые и теополитические горизонты дерзновенной мыслью. Пишу только о том, что мне представляется очевидным.

Итак, что же сильнее — выдумка или правда? Казалось бы, глупый вопрос. Он и впрямь глупый — конечно, правда. Но побеждает почему-то выдумка. Причем даже безо всякого ТВ, РПЦ или КПСС. Вот в чем загадка. Значит, это кому-нибудь нужно? Так вот, чтобы разделаться с вульгарным социологизмом (если кто помнит такой оборот), наш автор (т. е. опять-таки ваш покорный слуга) пишет «*Fatum*» [15¹], что в переводе на русский язык переводится не как «Судьба», а как «Фатум». Здесь отношения наших главных тем переворачиваются с ног на голову (или наоборот, что считать ногами, а что — головой?): правда, или реальность, настолько очевидна и неотвратима, что она (они) отторгаются обществом как что-то периферийное — и по значению, и по возможности сбыться наяву. Люди выбирают иллюзии. Делают вид, что так и надо. И пребывают в неведении (информированном неведении) до самого конца (это уже четвертая гибель человечества за

¹ Это сочинение было посвящено светлой памяти Феликса Трофимовича Михайлова. Его последняя работа называлась «Навстречу неизбежному». Фатум — ФТМ.

сегодняшний день, автор явно претендует на рекорд в Книгу Гиннеса по числу убиенных цивилизаций. И это вовсе не по причине чрезмерной мизантропии, а совершенно наоборот — исключительно из человеколюбия. Как это ни странно на первый взгляд). Сюжет таков. Астрономы делают пугающее открытие — нашей Солнечной системе угрожает космическая катастрофа, через несколько месяцев все наши планеты вместе с Солнцем станут жертвой небесной хищницы, которая взялась неизвестно откуда и летит прямо на нас вопреки всем представлениям астрофизики. Спасенья нет. Астрономы стоят перед выбором — поделиться своим открытием с людьми или ничего никому не сообщать, чтобы зря не гнать волну. Дебаты — с одной стороны, с другой стороны... прерываются вмешательством вполне земных, и даже персонифицированных сил, и не получается ни скрыть, ни толком проинформировать человечество о грозящей катастрофе. Ситуация скатывается на самотек, и выходит так: кто хочет слышать — слышит, кто не готов — не слышит, не знает и знать не желает. Но пружина разжимается все сильнее и сильнее, игнорировать ситуацию уже просто невозможно... Естественно, включаются защитные механизмы, паллиативные движения, рушатся социальные связи и возникают новые, предчувствие конца обнажает самые глубокие, грубые и низменные страсти... И лишь те, кто сохранил ясный ум, мужество и моральные устои, встречают неизбежное просто, со смирением и достоинством. Так что исполненный приговор человечеству и даже всей Солнечной системе не стал приговором тому высокому в человеке, что и делает его таковым.

Могут ли обстоятельства как-то вмешаться в пропорцию «иллюзии — реальность» или эта парочка совершенно независима от жизненных коллизий? Может быть, наши категории настолько высоко абстрагированы от эмпирии, что ей безразличны контексты? Может быть, социальные понятия — это просто теоретический аппарат, вроде хирургических инструментов, используемых только для оперативного вмешательства в трепещущую ткань жизни?

Рассказ «На дистанции» [6] посвящен в том числе и этой теме. Близкие знакомые, герои рассказа, катятся по своим привычным жизненным колеям, вполне допуская, что у каждого свой путь, их пути не пересекутся, — просто потому, что хорошо укатаны, они не столкнутся. Один — учитель, другой — офицер полиции, живут рядом, воспитывают сыновей, водят их на занятия спортом. Можно сказать, дружат. Но в один «прекрасный» день оказываются по разные стороны баррикад — учитель вышел на протестный митинг, а полицейский заступил на охрану общественного порядка. Ну, кончилось все очень скверно, как вы можете себе представить. Иллюзия благополучия, гармонии в результате столкновения с обстоятельствами лопнула, привела полицейского к пониманию прежних представлений о долге, достоинстве как совершенно ничтожных по сравнению с реальными потерями. Это — сын, и его друг, сын учителя, и вообще — дети, и шире — отцовство, и еще шире... — впрочем, об остальном я могу только догадываться.

Ну и в заключение, самая невероятная формула — бытие все насквозь иллюзорно, а миф — есть подлинная реальность, почти платоновский мир эйдосов противостоит миру теней. Тени — это обыватели, населяющие поверхность шарика вот уже две с лишним тысячи лет. А подлинное — это осевые герои христианской цивилизации — Иешуа из Назарета и Мастер [11]. Роман М. Булгакова. «Роман не только антисоветский

и антибуржуазный, он и античеловеческий. В ницшеанском смысле слова. Человеческое — это исторически обусловленное, вынужденное, мелкое по сравнению с Другим масштабом, — и это то, в чем пребывает история от Пилата до социалистического общежития. Пилат обозначил оппозицию — не потому, что ее не было до Пилата, а потому, что он открыл новую христианскую историю, убив Иисуса. Пилат — земной, он политикан, у него «соображения», интриги — убить чужими руками, передать решение толпе или таким же земным политиканам — первосвященнику и его клике... Он травмирован навсегда не убийством — он профессиональный убийца, он всадник. Он травмирован масштабом, открытым ему нищим проповедником, и этот масштаб, чуть приоткрывшись, ушел из его жизни вместе с жизнью сумасшедшего бродяги. Пилат убил возможность выхода в Подлинное. И ни Левий, ни один пророк или ученик этого уже не сделает. Им остается только жалеть об утрате. Пилат и Левий — оба бессильны, потому что они не творцы.

Так о чем роман? О противостоянии человеческого и внеисторического в душе и личности человека. Творение — это подвиг высокого в душе, поэтому рядом Иешуа и Мастер. Две тыщи лет между ними никто не стоял. Вот почему явился Воланд. Пропать между жизнью и Жизнью — бытовой возней вокруг ассигнаций, модных магазинов и ресторана Грибоедова, склок из-за квадратных метров, воровства, пошлости, низости и Любовью, Творчеством, Подлинностью, Мужеством, Честностью — эта пропасть и есть предмет романа. Роман вполне экзистенциальный, только вот — какая экзистенция шевелится под оболочкой событий?

Притча о платочке, который «подают» Фриде (а кто, кстати, подает? Сама же и подает, вот в чем дело, она во внеисторическом мире, где есть обязательства, неотвратимость, наказания, мука, память...). В том, неисторическом мире действуют Законы, их установили раз и навсегда, и ни прокуратор, ни первосвященник, ни Иуда — да никто вообще не властен над судьбой и собой в той мере, чтобы плевать на Закон, Порядок, Принципы. Пусть их даже бережет сам Сатана. Бал Сатаны — это картинка для единственной живой души на свете — Маргариты, ведь Мастер уже в психушке, и скорее всего, он уже по существу убит — картинка нижней границы мира Вечных ценностей. Он незыблем, неколебим, и он неотвратим, по крайней мере за чертой жизни, т. е. там, где еще не наступил социализм, капитализм, т. е. где люди его не отменили. Миром человечков правят совсем другие — ими самими установленные правила и правды, на него грустно и презрительно смотрит Воланд в цирке. Мир людей несправедливый. Вот в чем трагедия мира. А верхней границы нет — Воланд спасает Мастера и Маргариту от жизни, чтобы сохранить ее неприкосновенность, — она всегда полагается актом свободного и прекрасного творения, подвигом, красотой, любовью и самопожертвованием. Высокая граница — это вывернутая наружу, в предмет переживания или созерцания, высота Духа.

О мире вечном, о вечном покое нам нельзя спрашивать — как только мы начнем совать туда нос, тут же нагадим в него, тут же внесем в него свою долю гуманизма, простоты и человечности. Там хорошо — это все, что мы можем о нем знать, и все, что когда-то было людьми, обществами, эпохами, — найдет там свое Истинное место. Роман — об Истине, о которой нельзя говорить впрямую. Но о которой и смолчать нельзя» [11, с. 242–244].

Общий вывод: дамы и господа, не обольщайтесь реальностью.

Литература

1. Воронин А. А. Диалог об идентичности // Философия и культура. — 2009. № 10 (22). — С. 43–58.
2. Воронин А. А. Лаборатория по воссозданию реальности // Проза.ру. Андрей Воронин 2. URL: <https://proza.ru/2015/08/11/780> (дата обращения: 25.05.2023).
3. Воронин А. А. Меморандум // Юность. — 2004. № 8. — С. 35–56.
4. Воронин А. А. Модели // Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы / отв. ред. Ф. Т. Михайлов. — М.: ИФ РАН, 1997. — С. 212–240.
5. Воронин А. А. Мост, или история вземной цивилизации // Философия и культура. — 2014. № 12. — С. 1777–1793.
6. Воронин А. А. На дистанции // Проза.ру. Андрей Воронин 2. URL: <https://proza.ru/2013/12/18/915> (дата обращения: 25.05.2023).
7. Воронин А. А. Пигмалионы // Проза.ру. Андрей Воронин 2. URL: <https://proza.ru/2015/06/20/570> (дата обращения: 25.05.2023).
8. Воронин А. А. Претендент // Юность. — 2005. № 8. — С. 2–45.
9. Воронин А. А. Сдвиги в фундаментальных основаниях самосознания: я не мыслю, следовательно, существую // Телескоп. — 2013. № 2 (98). — С. 11–14.
10. Воронин А. А. Сеть // Юность. — 2006. № 6. — С. 2–32.
11. Воронин А. А. Тезисы о фейерверке // Воронин А. А. Опасная проза. — М.: Ритм, 2007. — С. 241–245.
12. Воронин А. А. Утопия // Воронин А. А. Опасная проза. — М.: Ритм, 2007. — С. 245–257.
13. Воронин А. А. Что такое советский человек // Аргумент. — 2016. 8 марта.
14. Воронин А. А. Шашлычки // Воронин А. А. Опасная проза. — М.: Ритм, 2007. — С. 301–311.
15. Воронин А. А. *Fatum* // Воронин А. А. Опасная проза. — М.: Ритм, 2006. — С. 194–240.

References

1. Voronin A. A. *CHto takoe sovetskij chelovek* [What is a Soviet man]. Argument, 2016, March 8. (In Russian.)
2. Voronin A. A. *Dialog ob identichnosti* [Dialogue about identity]. Philosophy and culture, 2009, no. 10 (22), pp. 43–58. (In Russian.)
3. Voronin A. A. *Fatum* [Fatum], in: A. A. Voronin, *Opasnaya proza* [Dangerous prose]. Moscow: Rhythm, 2006, pp. 194–240. (In Russian.)
4. Voronin A. A. *Laboratoriya po vossozdaniyu real'nosti* [Laboratory for recreating reality]. Prosa.ru. Andrey Voronin 2. URL: [<https://proza.ru/2015/08/11/780>, accessed on 25.05.2023]. (In Russian.)

5. Voronin A. A. *Memorandum* [Memorandum]. Youth, 2004, no. 8, pp. 35–56. (In Russian.)
6. Voronin A. A. “Modeli” [Models], in: *Samosoznanie: moe i nashe* [Self-consciousness: mine and ours], ed. by F. T. Mihajlov. Moscow: IF RAS, 1997. 249 p. (In Russian.)
7. Voronin A. A. *Most, ili istoriya vnezemnoj civilizacii* [Most, or the history of extraterrestrial civilization]. Philosophy and Culture, 2014, no. 12, pp. 1777–1793. (In Russian.)
8. Voronin A. A. *Na distancii* [At a distance]. Prosa.ru. Andrey Voronin 2. URL: [<https://proza.ru/2013/12/18/915>, accessed on 25.05.2023]. (In Russian.)
9. Voronin A. A. *Pigmaliony* [Pygmalions]. Prosa.ru. Andrey Voronin 2. URL: [<https://proza.ru/2015/06/20/570>, accessed on 25.05.2023]. (In Russian.)
10. Voronin A. A. *Pretendent* [The applicant]. Youth, 2005, no. 8, pp. 2–45. (In Russian.)
11. Voronin A. A. *Sdvigi v fundamental'nyh osnovaniyah samosoznaniya: ya ne myslyu, sledovatel'no, sushchestvuyu* [Shifts in the fundamental foundations of self-consciousness: I do not think, therefore, I exist]. Telescope, 2013, no. 2 (98), pp. 11–14. (In Russian.)
12. Voronin A. A. *Set'* [Network]. Youth, 2006, no. 6, pp. 2–32. (In Russian.)
13. Voronin A. A. “SHashlychki” [Kebabs], in: A. A. Voronin, *Opasnaya proza* [Dangerous prose]. Moscow: Rhythm, 2007, pp. 301–311. (In Russian.)
14. Voronin A. A. *Tezisy o fejerwerke* [Theses about fireworks], in: A. A. Voronin, *Opasnaya proza* [Dangerous prose]. Moscow: Rhythm, 2007, pp. 241–245. (In Russian.)
15. Voronin A. A. “Utopiya” [Utopia], in: A. A. Voronin, *Opasnaya proza* [Dangerous prose]. Moscow: Rhythm, 2007, pp. 245–257. (In Russian.)

Illusion of Reality

Voronin A. A.,
DPhi, Leading Researcher, Institute of Philosophy RAS,
89031019500@yandex.ru

Abstract: The article provides an overview of the problems of the correlation of illusions and reality based on the material of the author's literary texts.

Keywords: reality, illusion, consciousness, morality, responsibility, the end of the world, decency.